

А.В. Курило

Эволюция конфликта левых и правых в современной Франции

Противостояние правых и левых занимает одно из главных мест во французской политике, начиная с 1789 г. Разделение на правых и левых свойственно всем традиционным западным демократиям, но во Франции оно получило в момент Революции совершенно особое идеологическое значение. Быть левым или правым во Франции означает не просто соответствовать какому-то определенному типу политического поведения, но, прежде всего, иметь определенный тип мышления и особую мораль. Исходя из этого, конфликт левых и правых приобрел непримиримый характер.

Идеологически, образ левых традиционно доминирует. Призвание правых состоит в защите традиций, сохранении в обществе статус-кво. Они привержены прошлому и от того в определенном смысле пассивны в своей политике. Левые же повернуты к будущему. Их цель – преобразовать общество, сообщить ему новые, более справедливые формы. Идеология левых во многом схожа с религией. Она всеобъемлюща, утопична, основывается на универсальной морали. Ведомая левыми борьба за справедливость неудобна для правых и по самой своей природе также бесконечна как восплаемая религией война между добром и злом. Вот почему философ Ален писал: «Когда меня спрашивают, имеет ли в наши дни смысл противопоставление партий левых и партий правых, политических деятелей левых и политических деятелей правых, первое, что мне приходит в голову, это то, что человек, который задал мне этот вопрос без сомнения не является левым» [1].

Впервые термины «правый» и «левый» входят в политический словарь во время Революции, в июне либо, самое позднее, 28 августа 1789 года. В этот день Национальная ассамблея оказалась разделена по вопросу о предоставлении королю права накладывать вето на законодательные акты парламента. Причем сторонники короля сели по правую руку от председателя ассамблеи, а его противники – по левую [2].

Начиная с 90-х годов XVIII века и вплоть до наших дней отношение к Революции было определяющим для понятий «левый» и «правый». Оливье Дюгамель пишет в своей работе «Левые и V Республика», что под словом «левые» «скрывается [...] движение, которое опирается на Французскую революцию, но считает ее незавершенной и желает дополнить политическое равенство равенством социальным, изменение политической системы изменением системы экономической» [3].

Франсуа Фюре настаивал на мысли, что в 80-е годы разделение на левых и правых утратило в общественном мнении свой смысл и силу. В статье «1789-1917: туда и назад», он писал: «Правые и левые определяются сегодня лишь по отношению друг к другу и не имеют ничего, чтобы могло заменить устаревшие идеалы либерализма и социализма. В действительности, они сегодня разделены только своей историей и карьерами в рамках государственного аппарата. Правые скорбят по прекрасным временам торжества голлизма, который, строго говоря, был связан с ними лишь косвенно, а левые верят, что придали новую жизнь устоям III Республики, тогда как на деле они устроились в условиях, которые ранее считали несовместимыми с республиканизмом» [4].

Стирание идеологического противостояния левых и правых рассматривалось исследователями как потеря Францией некоторой существенной части

своей идентичности. На этом основании авторы работы «Республика центра» Фюре, Жюльяр и Розанваллон в предисловии к ней пишут: «То, что мы сейчас переживаем, это, попросту говоря, конец французской исключительности» [5].

Процесс сглаживания идеологических противоречий между левыми и правыми подтверждается рядом объективных показателей. После победы Социалистической партии на парламентских выборах 1981 года во французской политике произошел важный перелом. Поддержка в обществе левых и правых стала почти равнозначной и исход национальных выборов иногда зависел лишь от нескольких тысяч голосов [6]. В 80-е годы идеологии партий, принадлежащих к противостоящим политическим лагерям, сближаются. Правые больше не подвергают сомнению базовые нормы республиканского режима. Голлистская партия Объединение в поддержку Республики (RPR) под руководством Жака Ширака даже включила в свою эмблему фригийский колпак, бывший одним из символов Революции. В свою очередь с 1984 года, когда правительство Моруа сменилось правительством Фабюса, левые отказались от борьбы за искоренение капитализма и официально признали его наиболее эффективной на данный момент формой устройства экономики.

Политики нового поколения, определявшие лицо ведущих французских партий во второй половине 80-х годов, отличались нетрадиционным для своих политических сил мировоззрением. Мишель Рокар, премьер-министр страны, социалист некогда стоявший у истоков PSU, встречаясь в 1988 году с Фюре в его программе на радио RTL, заявил, что среди «многочисленных последствий великой Революции, самое важное заключается в том, что она убедила много людей, что революции могут быть опасными» [7]. Ален Жюппе, один из молодых лидеров RPR, в том же году заявлял: «1789 год не является идеологическим источником только для социализма. В действительности 1789 год есть продукт философии Просвещения, т.е. индивидуалистской, гуманистической и либеральной концепции общества, которая принадлежит нам, а не социалистам» [7, с. 188].

Учитывая такие высказывания, произнесенные с самых высоких трибун двух противостоящих политических лагерей, неудивительно, что французы все больше и больше считают, что понятия «правые» и «левые» не могут характеризовать современную политическую жизнь, в которой они принимают участие. Согласно результатам проведенных по этому вопросу социологических исследований уже в 1981 году только 42% опрошенных полагали, что за определениями «правые» и «левые» нет никакого реального политического смысла и лишь 32% продолжали настаивать, что эти термины сохраняют свою актуальность. Начиная с 1989 года, к первой точке зрения склонялось уже подавляющее большинство французов. В 1994 году их количество составило 68% от общего числа опрошенных [8]. С 1986 года более 70% французов положительно оценивали ситуацию, в которой премьер-министр и президент страны принадлежат к противоборствующим политическим партиям, что также свидетельствует о потере конфликтом правых и левых существенной опоры в обществе [9].

Ослабление противоречий между партиями правых и левых было связано с переменами в социальных структурах. Как пишет Жан-Мари Донегани, «мужчины, молодежь, люди активного трудового возраста, рабочие и служащие, атеисты традиционно голосуют за левых, тогда как женщины, старики, инвалиды, функционеры высшей категории, практикующие католики отдают свое предпочтение правым или центру» [8, с. 221]. Но в 80-е годы общество, состоящее из замкнутых однородных классов и групп и опирающееся на четкое разделение социальных ролей между гражданами в зависимости от их биологических и социальных характеристик, материального достатка, фактически исчезло. Так, например, Анри Мендра констатирует в своей статье «Демократизация общества, аристократизация нравов», что крестьянство, много-

численный социальный класс, представители которого отличались стойкими консервативными убеждениями, в современном обществе уступил место полутора миллионам сельскохозяйственных производителей, которые смогли накормить 60 миллионов французского населения и чьи методы работы и образ жизни далеки от старых сельских традиций [10].

«Мелкие независимые обыватели, – приводит другой пример Мендра, – живущие на проценты от унаследованных капиталов или на доходы от мелких предприятий, еще в 1945 году составляли половину всех французских семей. Сегодня 85% французов живут на получаемую от нанимателя заработную плату» [10, с. 176]. Рабочий класс крупной индустрии, основная социальная опора левых, стал ощутимо численно уменьшаться, начиная с середины 70-х годов. За прошедшие годы неузнаваемо изменился сам труд французского рабочего, что потребовало от него проявления совершенно новых способностей и преобразовало его положение в обществе. Политолог Пьер Мартен указывает, что по своим социально-политическим последствиям важно даже не столько падение численности рабочего класса во Франции с 38% от активного населения в 1975 году до 29% в 1997, сколько переход от старой экономики индустрии к экономике услуг. В общем объеме количество неквалифицированного физического труда сократилось за двадцать лет вдвое [11]. Кроме того, перестали играть активную роль в политической жизни страны католики. В 1997 году из 51,5% французов, проголосовавших на парламентских выборах за правые партии, только 7% были практикующими католиками, что, конечно же, не могло не повлиять на идеологию правых, ранее зачастую ориентированную на позицию церкви [11, с. 173].

Политическая конъюнктура 80-х годов также способствовала стиранию идеологических противоречий между правыми и левыми. Приход к власти в стране левых после более чем двадцатилетнего перерыва, во-первых, показал, что вопреки распространенному мнению, политики левого толка способны не хуже своих конкурентов решать стоящие перед страной реальные повседневные проблемы, во-вторых, заставил самих левых отказаться от многих своих утопических идеалов. Известный французский политолог Жан-Люк Пароди пишет: «Переход власти 1981 года, половинный переход 1986 года, переход 1988 года в итоге изменили отношение к самой проблеме передачи власти. Вместо бурных споров, отмеченных страхами и надеждами, которые характеризуют годы, предшествовавшие и непосредственно идущие за первым переходом власти от правых левым, последовали мирные рабочие консультации, избавленные от утопий и фантазмов, более конкретные по своему содержанию, посвященные реальным проблемам, а не грандиозным переменам. Уменьшение ожиданий избирателей и сокращение разрыва между программами противоборствующих сил изменило сам характер предвыборной борьбы» [12].

Неоспоримо, что в современной Франции смысл противостояния левых и правых в политической жизни страны претерпел серьезные изменения. Тем не менее, вряд ли есть достаточные основания, чтобы утверждать, что один из фундаментальных политических конфликтов, открытых Революцией, теперь закрыт.

Чтобы яснее понять природу феномена идеологического противостояния левых и правых во французской политике следует обратиться к статье Марка Крапеца «Когда возникает конфликт левых и правых во Франции?». Автор проследил, как меняется употребление и значение понятий «правые» и «левые» во Франции в XIX и XX вв. Крапец настаивает на мысли, что в том виде,

* Здесь имеются в виду: 1) в 1981 году победа Ф. Миттерана на президентских и левых партий на парламентских выборах; 2) в 1986 году победа правых на парламентских выборах и назначение лидера RPR Жака Ширака премьер-министром страны при сохранении Миттераном своего президентского поста; 3) в 1988 году новая победа Миттерана на президентских выборах и победа левых на парламентских выборах, в результате чего премьер-министром Франции стал социалист Мишель Рокар.

в котором оно было известно нашим современникам, противостояние левых и правых сложилось во Франции только в начале XX столетия, с приходом к власти министерства Комба (1902-1905) [13]. Крапез также доказал, что и на протяжении XX века противостояние двух ведущих французских политических течений было подвержено частым и глубоким переменам. Перемены в политическом и социальном развитии страны неизменно приводили к перемене смысла идеологического противоборства. В моменты, когда по одним вопросам, вокруг которых выстраивалась политическая борьба, достигался консенсус и они становились неактуальными, уступая место другим, новым, в обществе, привыкшем к определенному образу политики, зачастую временно складывалось впечатление, что противостояние левых и правых утратило смысл.

В течение XX века отношение к капитализму и устанавливаемым им социальным отношениям стало основой деления правых и левых партий. В 80-е годы конфликт перешел на вопросы индивидуальной свободы и равенства граждан. Сегодня позиции в отношении иммигрантов, сексуальных меньшинств, европейской интеграции, как показывает Пьер Мартен, вновь четко разделяют политические силы Франции на два противоборствующих лагеря, имя которым правые и левые [11].

Таким образом, мы можем констатировать, что деление на левых и правых продолжает сохранять свой смысл в современной Франции. Однако, в последние десятилетия под воздействием сложных процессов социально-экономической модернизации страны это деление несколько изменило свое значение. В частности, если ранее конфликт левых и правых выстраивался в основном вокруг вопросов экономического либерализма и классовой борьбы, то отныне его главными проблемами стало отношение к иммиграции, культурному либерализму и европейской интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Aron R.** L'Opium des intellectuels. Paris, 1968. P. 25.
2. **Laponce J. A.** Droite-gauche: un clivage dépassé? / sous la dir. de E. Schweisguth (Problèmes politiques et sociaux. – 1994. - №719.). P. 6-34.
3. **Duhamel O.** La gauche et la Ve République. Paris, 1980. P. 17
4. **Furet F.** 1789-1917: aller et retour / La Révolution en débat. Paris, 1999. P. 171.
5. **Furet F., Julliard J., Rosanvallon P.** La République du centre. Paris, 1988. P. 11.
6. **Le Bras H.** Les trois France. Paris, 1995. P. 353.
7. **Kaplan S.** Adieu 89. Paris, 1993. P. 170.
8. **Donaganí J.-M.** Idéologies, valeurs, cultures // La nouvelle société française. Trente années de mutation. Paris, 1998. P. 219.
9. **Todd E.** La nouvelle France. Paris, 1988. P. 277.
10. **Mendras H.** Démocratisation de la société, aristocratisation des mœurs // Le Débat, 1989, № 57. P. 175-176.
11. **Martin P.** Comprendre les évolutions électorales. La théorie des réalignements revisitée. Paris, 2000. P. 180-181.
12. **Parodi J.-L.** Le nouvel espace politique français // Idéologies, partis politiques et groupes sociaux. Etudes réunies par Yves Mény pour Georges Lavau. Paris, 1991. P. 49.
13. **Crapez M.** De quand date le clivage gauche/droite en France? // Revue française de science politique, 1998, №48(1). P. 75.

S U M M A R Y

Alexandr Kurilo's article is devoted to the French political parties in 70-80th of the 20 century. Special attention is paid by the author to the transformation to their relationship during the history of the Fifth French republic. The author tries to find the explanation of this process.

Поступила в редакцию 28.05.2001